

Академіи Дмитрія Булгакова въ степени кандидата богословія съ предоставленіемъ ему права при исканіи степени магистра богословія не держать новаго устнаго испытанія.

VII. Прошеніе на имя Отца Ректора Академіи священника Московской Николаевской, что на Шепяхъ, церкви Сергія *Муретова*: „Представляя два экземпляра своего изслѣдованія „О поминовеніи безплотныхъ силъ на проскомидіи. Москва, 1897 г.“ въ качествѣ диссертациі на степень магистра богословія, покорнѣйше прошу Васъ, Ваше Высокопреподобіе, дать дѣлу движеніе“.

Справка: 1) Священникъ Сергій Муретовъ окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи въ 1889 году со степенью кандидата богословія и правомъ при исканіи степени магистра не держать новаго устнаго испытанія. 2) По § 81 лит. а. п. 6 устава духовныхъ академіи „распоряженіе о разсмотрѣнн диссертациі на ученія степени“ значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: Диссертацию священника Сергія Муретова передать для разсмотрѣнія исправляющему должность доцента Академіи по кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола Ильѣ *Громогласову*.

VIII. Заявленіе О. Ректора Академіи *Архимандрита Арсенія* о томъ, что вторымъ рецензентомъ вышеозначеннаго сочиненія онъ назначаетъ члена Совѣта—экстраординарнаго профессора по кафедрѣ догматическаго богословія Александра *Бяляева*.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

IX. а) Отзывъ ординарнаго профессора по кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта Митрофана *Муретова* объ отчетѣ профессорскаго стипендіата Евгенія *Воронцова*:

„Профессорскій стипендіатъ 18⁹⁷/₉₈ года Евгеній Воронцовъ свои занятія сосредоточилъ главнымъ образомъ на обработкѣ предмета своего кандидатскаго сочиненія въ магистерскую диссертацию, которая должна представлять обширный и послѣдовательный комментарий на посланіе св. Ап. Павла къ Евреямъ. Стипендіатъ продолжалъ изученіе греческаго текста и переводовъ (преимущественно сирскаго) посланія, древне-христіанскихъ толкованій, новѣйшей иностранной литературы по экзегезу посланія, древне-иудейскихъ и клас-

сическихъ истолковательныхъ параллелей и пр. Въ своемъ отчетѣ стипендіатъ приводитъ нѣсколько образцовъ извлеченнаго имъ изъ разныхъ источниковъ (преимущественно древнихъ греко-латинскихъ и іудейскихъ) экзегетическаго матеріала, который долженъ войти въ магистерскую диссертацию. Образцы эти свидѣтельствуютъ о необыкновенномъ трудолюбіи стипендіата, его обширной филологической подготовленности къ толкованію Посланія и его способности скоро довести обширный трудъ до плодотворнаго конца“.

б) Отзывъ экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ общей церковной исторіи Анатолія *Спасскаго* объ отчетѣ профессорскаго стипендіата Николая *Николина*:

„Занятія г. Николина Николая, состоявшаго при Академіи въ качествѣ профессорскаго стипендіата въ прошломъ 1897—98 уч. году, принадлежали области древней церковной исторіи, по предмету которой онъ писалъ свое кандидатское сочиненіе. Какъ показываетъ отчетъ, они сосредоточивались преимущественно на исторіи догматовъ и вообще богословской науки въ древней церкви и выражались главнымъ образомъ въ изученіи существующей на Западѣ и въ Россіи новѣйшей литературы по этому вопросу, при частичной протѣкѣ ея выводовъ на основаніи источниковъ. Естественно, что при такой постановкѣ своихъ занятій г. Николинъ не избѣжалъ нѣкоторыхъ довольно существенныхъ недостатковъ; въ его отчетѣ встрѣчаются неточности въ передачѣ фактовъ, односторонность сужденій и излишняя зависимость взглядовъ отъ прочтеннаго изслѣдованія.—Однако несомнѣннымъ и полезнымъ для него результатомъ стипендіатскаго года остается то, что онъ успѣлъ широко ознакомиться съ выводами ученой литературы по интересующимъ его отдѣламъ церковно-исторической науки. Книгъ онъ прочелъ много,—такъ много, какъ могутъ читать, повидимому, одни только стипендіаты. Принимая во вниманіе, что часть этой литературы была знакома Николину еще при составленіи кандидатскаго сочиненія, должно думать, что, перечисляя прочитанныя книги, онъ не впалъ въ грѣхъ преувеличенія. Если войти въ положеніе стипендіата, оставленнаго къ приготовленію такой кафедры, которая едва-ли когда ему достанется, то по нашему мнѣнію указаннымъ результатомъ его занятій можно вполне удовлетвориться“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

X. Отчетъ профессорскаго стипендіата (нынѣ помощника Инспектора) Академіи Александра *Покровскаго* объ его занятіяхъ въ теченіи 1897/8 уч. г.

Опредѣлили: Отчетъ профессорскаго стипендіата Александра Покровскаго передать для разсмотрѣнія экстраординарному профессору Академіи по каѳедрѣ введенія въ кругъ богословскихъ наукъ Сергѣю *Глаголеву* съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ въ Совѣтъ объ означенномъ отчетѣ письменный отзывъ.

XI. Отношеніе на имя О. Ректора Академіи Г. Ректора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета отъ 21 августа за № 1709:

„Вслѣдствіе прошенія прикомандированнаго къ С.-Петербургскому Университету для приготовленія къ ученой степени Георгія Кунцевича, имѣю честь обратиться къ Вашему Высокопреподобію съ покорнѣйшей просьбой: не отказать въ доставленіи въ бібліотеку С.-Петербургскаго Университета для ученыхъ занятій г. Кунцевича, на два мѣсяца, двухъ рукописей Московской Духовной Академіи за № 30 (98) и за № 31 (204). (См. Чтенія Московскаго Общества Исторіи и Древностей 1883 года кн. 2, стр. 156—157)“.

Опредѣлили: Выслать въ бібліотеку С.-Петербургскаго Университета рукописи фундаментальной академической бібліотеки за №№ 98 и 204 на испрашиваемый двухмѣсячный срокъ

XII. Прошеніе преподавателя Симбирской духовной семинаріи, кандидата богословія, Александра *Яхонтова*: „Покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи исходатайствовать мнѣ разрѣшеніе на переработку своего кандидатскаго сочиненія подъ заглавіемъ „Житія святыхъ, какъ образовательное средство, и ихъ значеніе въ русской школѣ съ древнихъ временъ“ въ диссертацию на соисканіе ученой степени магистра богословія“.

Справка: 1) Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 5 іюня 1895 года за № 2565 Совѣтамъ академіи предписано: „дозволять удостоеннымъ степени кандидата передѣлывать ихъ кандидатскія сочиненія въ магистерскія диссертации съ большою осторожностію и не иначе, какъ съ особаго разрѣше-

нія Епархіального Архіерея“. 2) Кандидатское сочиненіе преподавателя Яхонтова отмѣчено было балломъ 4½.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высочайшему Преподобію о разрѣшеніи преподавателю Симбирской духовной семинаріи Александру Яхонтову переработать его кандидатское сочиненіе на тему: „Житія святыхъ, какъ образовательное средство, и ихъ значеніе въ русской школѣ съ древнихъ временъ“ въ диссертацию на соисканіе степени магистра богословія.

XIII. Прошеніе кандидата Академіи выпуска текущаго 1898 года Александра *Заозерскаго*: „Сознавая необходимость при дальнѣйшей обработкѣ своего кандидатскаго сочиненія въ обстоятельномъ знакомствѣ съ нѣкоторыми естественными науками, покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ Совѣтомъ Московскаго Университета о допущеніи меня къ слушанію лекцій на физико-математическомъ факультетѣ и къ пользованію университетской бібліотекой въ текущемъ учебномъ году“.

Опредѣлили: Просить Совѣтъ Императорскаго Московскаго Университета о допущеніи кандидата Александра *Заозерскаго* къ слушанію въ текущемъ учебномъ году лекцій на физико-математическомъ факультетѣ Университета и къ пользованію университетской бібліотекой.

XIV. Заявленіе окончившаго въ текущемъ году курсъ и оставленнаго при Академіи для приготовленія къ замѣщенію вакантныхъ преподавательскихъ кафедръ кандидата богословія Дмитрія *Введенскаго*: „Честь имѣю почтительнѣйше заявить Совѣту Академіи, что въ предстоящемъ учебномъ году я намѣренъ заниматься въ соприкасающей съ избраннымъ мною для кандидатскаго сочиненія вопросомъ области Св. Писанія Ветхаго Завета“.

Опредѣлили: Руководство профессорскаго стипендіата Дмитрія *Введенскаго* въ его научныхъ занятіяхъ въ теченіе наступившаго 1898/99 учебного года поручить экстраординарному профессору Академіи по кафедрѣ Св. Писанія Ветхаго Завета *Василію Мышцыну*.

XV. Заявленіе О. Ректора Академіи *Архимандрита Арсенія* о томъ, что студенты II курса Николай Величкинъ, Парфеній Грузиновъ, Евстафій Піотуховичъ, Сергій Смирновъ и Николай *Фаминскій*, которымъ, по опредѣленію Совѣта Академіи

отъ 8 іюня текущаго года, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, дозволено было, вслѣдствіе болѣзни, сдать устныя испытанія по всѣмъ (Піотуховичу) или по нѣкоторымъ предметамъ II курса послѣ лѣтнихъ каникулъ, — сдали означенныя испытанія предъ особо для сего назначенными комиссіями изъ г. г. наставниковъ Академіи и получили слѣдующіе баллы: *Величкинъ* Николай — по исторіи философіи — 4 —; *Грузиновъ* Парѣеній: по патристикѣ — 4, по общей церковной исторіи — 4 —, по русской гражданской исторіи $2\frac{1}{2}$ и по исторіи философіи — 2; *Піотуховичъ* Евстаѣій: по Священному Писанію Ветхаго Завета и библейской археологіи $4\frac{1}{2}$, общей церковной исторіи и греческому языку — 4+, патристикѣ, психологіи и исторіи философіи — 4 и русскому языку — $3\frac{1}{2}$; *Смирновъ* Сергѣй: по общей церковной исторіи и патристикѣ — 5, по библейской археологіи — 5 —, русской гражданской исторіи — $4\frac{1}{2}$ и исторіи философіи — 4+; *Фаминскій* Николай: по библейской археологіи — 5, по общей церковной исторіи — 5 —, по патристикѣ — $4\frac{1}{2}$, по исторіи философіи и русской гражданской исторіи — 4.

Справка: По § 81 лит. а п. 5 устава духовныхъ академіи „переводъ студентовъ изъ курса въ курсъ“ значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: Студентовъ II курса Николая Величкина, Парѣенія Грузинова, Евстаѣія Піотуховича, Сергѣя Смирнова и Николая Фаминскаго перевести въ слѣдующій, III-й, курсъ и дать соотвѣтствующія ихъ успѣхамъ и поведенію мѣста въ разрядномъ спискѣ.

XVI. Разсуждали о назначеніи студентамъ сочиненій на наступающей учебный годъ.

Справка: §§ 123—126 устава духовныхъ академіи: „Въ теченіе года въ первыхъ трехъ курсахъ студентамъ назначается не менѣе трехъ сочиненій. Кромѣ того для студентовъ всѣхъ курсовъ обязательно составленіе проповѣдей въ томъ количествѣ, какое будетъ опредѣлено Совѣтомъ Академіи. Сочиненія пишутся по всѣмъ наукамъ, преподаваемымъ въ академіи, но по наукамъ богословскимъ сочиненій должно быть не менѣе двухъ третей общаго ихъ количества. Студенты IV курса, для полученія ученой степени, пишутъ одно особое сочиненіе на тему богословскаго содержанія. Темы

какъ семестровыхъ сочиненій, такъ и для диссертациі на ученую степень, предлагаются преподавателями и, по разсмотрѣннн, утверждаются Ректоромъ“.

Опредѣлили: 1) Назначить студентамъ I, II и III курсовъ по три сочиненія по слѣдующимъ предметамъ:

Въ I курсѣ:

а) по теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ (для студентовъ первой группы) и древней гражданской исторіи (для студентовъ второй группы).

б) по метафизикѣ
в) по библейской исторіи

{ для студентовъ
обѣихъ группъ.

Во II курсѣ:

а) по психологін

б) по Священному Писанію Ветхаго Заветъа

в) по общей церковной исторіи

{ для студентовъ
обѣихъ группъ.

Въ III курсѣ:

а) по догматическому богословію

б) по церковной археологін и литургикѣ

в) по Священному Писанію Новаго Заветъа

{ для студентовъ
обѣихъ группъ.

2) Предоставить гг. наставникамъ Академіи избрать темы семестровыхъ сочиненій для студентовъ первыхъ трехъ курсовъ и представить ихъ на утвержденіе О. Ректору Академіи.

3) Для написанія сочиненій студентамъ I, II и III курсовъ назначить слѣдующіе сроки: для перваго сочиненія—съ 5 сентября по 31 октября, для втораго—съ 2 ноября по 20 декабря 1898 года и для третьяго — съ 11 января по 9 апрѣля 1899 года.

4) Предложить студентамъ IV' курса избрать темы для кандидатскихъ сочиненій изъ числа данныхъ въ концѣ минувшаго учебнаго года наставниками Академіи и утвержденныхъ Его Высокопреосвященствомъ.—Срокомъ подачи кандидатскихъ сочиненій назначить 30 апрѣля 1899 года.— Не подавшіе сочиненій къ сроку выпускаются изъ Академіи съ званіемъ дѣйствительнаго студента.

5) Согласно § 12—13 „Правилъ объ обязанностяхъ учащихся въ Московской Духовной Академіи“ требовать, чтобы всѣ студенты представляли свои сочиненія аккуратно къ опредѣленнымъ срокамъ и. д. Инспектора Академіи іеромо-

паху о. Иннокентію, который, помѣтивъ время подачи, безотлагательно имѣеть передавать ихъ тому или другому преподавателю; студенты же первыхъ трехъ курсовъ, не подавшие сочиненій къ сроку,—немедленно представляли въ Правленіе Академіи объясненіе причинъ несвоевременной подачи.

6) Для студентовъ всѣхъ курсовъ назначить по одной проповѣди.—Преподавателю гомилетики—и. д. Инспектора Академіи іеромонаху о. Иннокентію поручить составить росписаніе проповѣдей и представить оное на утверженіе о. Ректору Академіи.—Требовать, чтобы студенты представляли свои проповѣди не поздне 7-ми дней до ихъ произнесенія.

7) О назначеніи сочиненій сообщить наставникамъ Академіи и объявить студентамъ.

XVII. Слушали: Внесенныя предсѣдателями комиссіи, производившихъ повѣрочныя испытанія студентовъ духовныхъ семинарій и другихъ лицъ, явившихся въ Академію для поступленія въ составъ новаго (LVII) академическаго курса, донесенія о достоинствахъ устныхъ и письменныхъ отвѣтовъ, данныхъ на испытаніяхъ:

а) Донесеніе комиссіи, производившей испытанія *по Священному Писанію Ветхаго Завета*:

„Каждому изъ испытываемыхъ комиссія обязательно предлагала 1) изложить содержаніе какой-либо главы или цѣлаго отдѣла изъ учительныхъ и пророческихъ книгъ, по возможности безъ помощи библіи, 2) объяснить наиболѣе затруднительныя мѣста изъ славянской библіи въ предѣлахъ тѣхъ-же книгъ, преимущественно же изъ книги Екклѣзіаста и Притчей, и 3) привести наизусть мессіанское пророчество, содержащееся въ извѣстномъ псалмѣ или въ книгѣ пророческой. Наиболѣе удачны были отвѣты испытываемыхъ на послѣдній вопросъ. Многіе студенты наизусть могли прочесть 53 главу Исая, псалмы 2, 44, 109, значительные отдѣлы изъ 2, 5, 35, 42 гл. Исая. Удовлетворительно передавалось студентами и содержаніе главъ, особенно въ книгахъ пророческихъ; но нѣкоторые отдѣлы изъ книги Іова, Екклѣзіаста и Притчей студенты затруднялись излагать даже при помощи библіи. Наименѣе удачны были объясненія славянскаго текста. Почти всегда удовлетворительно изъяснивъ мессіанскій смыслъ пророчества, испытываемые нерѣдко не могли выяснитъ его грамматическій и историческій смыслъ. Особенно много за-

трудненіи находили они для себя въ славянскомъ текстѣ Екклезіаста, Притчей и книги Іова. Такія, напр., мѣста, какъ Іов. 7, 15; 32, 19; 34, 31—32; Еккл. 3, 18—21; 4, 2—3; 6, 8; 7, 15; 9, 2—6; могли объяснить весьма немногіе студенты. Какъ видно, студенты не привыкли для уясненія грамматическаго смысла славянскаго текста обращаться къ его подлиннику, для чего знаніе греческаго языка должно быть вполне достаточнымъ. Впрочемъ не смотря на этотъ недостатокъ, отвѣты студентовъ произвели на комиссію вообще хорошее впечатлѣніе. Въ среднемъ выводѣ каждый экзаменовавшійся получилъ 4, 07. Отвѣты присланныхъ (въ среднемъ выводѣ 4, 19) были нѣсколько лучше отвѣтовъ волонтеровъ (въ среднемъ выводѣ 4) и хуже отвѣтовъ 20 лучшихъ волонтеровъ (получившихъ въ среднемъ выводѣ 4, 44).

Иностранцы оказались весьма слабо подготовленными (двое не могли, напр., привести ни одного мессіанскаго пророчества, третій могъ привести только одно, именно—о рожденіи Еммануила), за исключеніемъ одного, прошедшаго 6-ти лѣтній курсъ Виѣанской семинаріи“.

б) Допесеніе комиссіи, производившей повѣрочныя испытанія *по общей и русской церковной исторіи*:

„Пріемнымъ испытаніямъ по общей и русской церковной исторіи въ настоящемъ 1898 году подвергалось 70 человекъ: 20 рекомендованныхъ семинарскими правленіями, 45 волонтеровъ—студентовъ семинарій, 1 окончившій московское техническое училище и 4 иностранца. Изъ нихъ отвѣты 12 студентовъ были отмѣчены высшими баллами (5, 5—), которые равномерно дѣлятся между присланными (Волог., Кишин., Московск., Новгородск., Холмск., Черниг.) и волонтерами (Астрах., Виѣанск., Рязан., Таврич., Тамб., Тул.), низшіе же баллы (2½, 2) получены были четырьмя экзаменовавшимися, 3-мя волонтерами (Калужск., Московск., Тул.) и 1 присланнымъ изъ Екатеринославской семинаріи. Въ среднемъ выводѣ присланные имѣютъ 4, 05; волонтеры же, не считая иностранцевъ, болѣе чѣмъ—3, 9, то есть, почти тоже 4. Этотъ результатъ испытаній показываетъ, что въ общемъ экзаменовавшіеся обнаружали достаточно удовлетворительныя познанія. Въ частности, по общей церковной исторіи они за малыми исключеніями оказывались хорошо знакомыми съ фактами прошлой жизни церкви, не дѣлали грубыхъ по-

грѣшностей въ церковной географіи и хронологіи. Значеніе этого результата, однако, должно замѣтно понизиться, если принять во вниманіе, что обязательныя требованія, предъявленныя комиссіей къ экзаменуемымъ, не выходили за предѣлы принятаго въ семинаріяхъ учебника Евграфъ Смирнова. Попытки расширить вопросъ или извлечь изъ испытываемаго болѣе полныя свѣдѣнія, чѣмъ это дано въ учебникѣ, не сопровождалось успѣхомъ. Особенной своей задачей комиссія поставляла узнать, насколько развито въ семинаріяхъ чтеніе книгъ богословскаго и церковно-историческаго содержанія, и съ этою цѣлію каждому экзаменуемому предлагала вопросъ о томъ, что было прочтено имъ по предмету церковной исторіи помимо учебника. Отвѣты получались или отрицательные или неопредѣленные („читалъ не много; читалъ, да не помню“). Съ памятниками древне-христіанской и свято-отеческой письменности, существующими въ русскомъ переводѣ, студенты семинарій почти совершенно незнакомы; относительно же русской ученой церковно-исторической литературы комиссія можетъ отмѣтить не болѣе 4—5 отвѣтовъ, когда для нея несомнѣнно было, что названная испытываемымъ книга дѣйствительно была прочтена имъ съ пользою. Незамѣтно также, чтобы эта литература оказывала вліяніе и на преподаваніе церковной исторіи въ семинаріяхъ; наоборотъ, должно сказать, что содержаніе учебника не только не пополнялось, но повидимому оставалась безъ объясненія терминологія, принятая въ немъ; такъ, ни одинъ экзаменующійся не могъ объяснить происхожденіе и смыслъ термина „три главы“, о которыхъ спорили въ VI вѣкѣ; нѣкоторые затруднялись въ переводѣ на русскій языкъ названій сочиненій церковныхъ писателей (напр. „еранисть“ Θεодорита, „строматы“ Климента Александрійскаго).

Но исторіи русской церкви студенты обнаружили твердое знаніе какого-нибудь изъ руководствъ—Знаменскаго, Малицкаго и Доброклонскаго: отвѣчали удовлетворительно даже на вопросы, касающіеся мелкихъ подробностей. Только хронологическія и историко-географическія свѣдѣнія ихъ стоятъ не на желательной высотѣ: одинъ относитъ св. Кукшу, просвѣтителя вятичей, къ IV, потомъ къ IX вѣку (вол. Тульской семинаріи), другой Вассіана Патрикѣева къ XIV стол. (присл. Калужск. сем.), отказывались найти Сурокъ, Амастриду

(прел. Впѣ. сем.), Корсунъ (вол. Москов. сем.) и проч. Надо отмѣтить также и то, что студенты не всегда ознакомились съ мѣстными древностями и святынями, и одинъ волонтеръ Влад. семинаріи не имѣеть надлежащихъ свѣдѣній относительно Владимірской иконы Божіей Матери. При испытаніи было обращено вниманіе на то, насколько экзаменующіеся проявили самостоятельность во время семинарскаго курса и при подготовкѣ къ академическому экзамену: наводились справки, кто что читалъ. Оказалось, что большая часть студентовъ не читали ничего кромѣ учебника. Впрочемъ встрѣтились и отрадные исключенія. Нѣкоторые студенты читали по частямъ полныя церковныя исторіи и журнальныя статьи и замѣтно усвоили особенности въ воззрѣніяхъ разныхъ авторовъ (волонт. Тавр. сем.), а иные ознакомились съ научной исторіей вопросовъ своими преподавателями (Волын. сем.), что конечно еще болѣе утѣшительно.

Къ сожалѣнію, коммиссія должна отмѣтить, что студентъ, рекомендованный Правленіемъ Екатеринославской семинаріи, на испытаніяхъ по общей и русской церковной исторіи обнаружилъ крайне смутныя, неточныя и неполныя познанія. Бывъ спрошенъ—изъ доставшагося ему билета о представителяхъ александрійской школы въ IV и V вв.—разсказать біографію св. Аѳанасія Александрійскаго, онъ не умѣлъ припомнить главнѣйшіе факты, въ какихъ выразилось участіе этого отца въ аріанскихъ спорахъ. Его свѣдѣнія о дѣятельности перваго вселенскаго собора оказались также недостаточными. На предложенные затѣмъ частные вопросы изъ древней церковной исторіи онъ далъ отвѣты весьма неудовлетворительные: св. Кипріяна (Карфагенскаго) онъ называлъ Антиохійскимъ епископомъ и относилъ его къ IV вѣку; мученическую кончину Игнатія Богоносца помѣщалъ въ періодъ царствованія Марка Аврелія; не могъ указать ни одного сочиненія св. Иринея Лионскаго. Столь-же слабы были его познанія и въ области русской церковной исторіи; послѣдняго русскаго патріарха онъ именовалъ Ювомъ, а имени перваго, конечно, не могъ припомнить; преп. Нестора Печерскаго считалъ авторомъ Степенной книги и не могъ назвать монастыря, въ которомъ онъ подвизался“.

в) Донесеніе коммиссіи, производившей повѣрочныя испытанія *по греческому языку*:

„Изъ числа явившихся въ настоящемъ 1898 году на повѣрочныя испытанія 70-ти человѣкъ по греческому языку держали испытаніе 64 человѣка,—все студенты духовныхъ семинарій, 2,—одинъ студентъ Тифлисской духовной семинаріи и одинъ окончившій курсъ въ Московскомъ Техническомъ училищѣ—держали испытаніе по латинскому языку, а остальные 4 человѣка (иностранные уроженцы) не держали испытанія ни по одному изъ древнихъ языковъ.

Для испытанія ихъ знаній въ греческомъ языкѣ были предложены имъ къ чтенію, разбору и переводу на русскій языкъ отрывки изъ твореній Климента Александрійскаго, Оригена, св. Кирилла Іерусалимскаго и Макарія Египетскаго, а въ латинскомъ изъ Виргилія и Юлія Цезаря. Свѣдѣнія, обнаруженныя экзаменовавшимися, оказались по испытанію, въ общемъ, удовлетворительными и только двое изъ нихъ (волонтеры Рязанской и Самарской семинарій) по-гречески получили баллъ ниже 3 (именно 2½). При опредѣленіи этихъ свѣдѣній баллами, получилось слѣдующее: баллъ 5 (5 и 5—) заслужили 7 человѣкъ; баллъ 4½—11 человѣкъ; баллъ 4 (4+, 4 и 4—)—20 человѣкъ, баллъ 3½—8 человѣкъ; баллъ 3 (3+, 3 и 3—)—16 человѣкъ и 2 человѣка, какъ сказано, получили баллъ 2½.—По латинскому языку получили баллы одинъ 4—, а другой 3. Къ числу отлично отвѣчавшихъ относятся студенты семинарій: Московской, Холмской, Владимірской, Вологодской, Донской, Таврической и Пензенской. Недостатки, замѣченныя у нѣкоторыхъ экзаменовавшихся, были, какъ и въ прежніе годы, слѣдующіе: незнаніе значеній словъ употребительныхъ, каковы: *εἶπα*, *ἴδιος*, *ἀπειλος*, *οὐτως* и др; смѣшиваніе значеній словъ греческихъ съ подобозвучными латинскими (*λέγω* и *lego*, *dolor* и *δολος* и под.); незнаніе формъ грамматическихъ такихъ словъ, какъ *εἶμι*—есмы, *δύο*—два и под.; затрудненія въ переводѣ съ греческаго на русскій, и т. д.“

г) Донесеніе комиссіи, производившей повѣрочныя испытанія по французскому языку:

„Испытанію по французскому языку подвергались 17 студентовъ духовныхъ семинарій и одинъ окончившій курсъ Императорскаго Московскаго Техническаго училища. За немногими исключеніями, экзаменовавшіеся обнаружили довольно скудные знанія. Нѣкоторые изъ нихъ не только за-

труднялись переводомъ, но не знали даже основныхъ правилъ французской грамматики и произношенія. Лучшій балль (5) получилъ волонтеръ Таврической семинаріи; худшіе баллы получили: присланный Тифлисской семинаріи (2¹/₂), волонтеръ Тамбовской семинаріи (2¹/₂), волонтеръ Самарской семинаріи (2+) и волонтеръ Виѣанской семинаріи (2)“.

д) Донесеніе коммисіи, производившей повѣрочныя испытанія *по нѣмецкому языку*:

„Изъявившихъ желаніе подвергнуться испытанію по нѣмецкому языку было 48 человѣкъ,—всѣ студенты духовныхъ семинаріи. Экзаменующимся было предложено для чтенія и перевода съ нѣмецкаго языка на русскій нѣсколько главъ изъ Евангелія Іоанна, причемъ предлагались вопросы по грамматикѣ. Баллы, полученные экзаменующимися, были слѣдующіе: 5 и 5—получило 5 студентовъ, балль 4 и 4+ получило 15 студентовъ, балль 3+ и 3 получило 15 человѣкъ, 3—получило 4 человѣка, балль 2+— 6 человѣкъ и балль 2 получили 3 студента“.

е) Донесеніе о сочиненіи *по словесности*:

„Въ качествѣ темы по словесности студентамъ былъ предложенъ вопросъ: „вѣрность поэта изображаемой дѣйствительности не уничтожаетъ ли въ немъ свободы художественнаго творчества?“ Въ общемъ представленныя ими сочиненія, въ количествѣ семидесяти, можно признать довольно удовлетворительными; такъ какъ на каждое изъ нихъ въ среднемъ выводѣ приходится балль 3¹/₁₇. Въ частности отличные баллы 5 и 5—получили: одинъ студентъ Холмской семинаріи, одинъ изъ трехъ Донской, одинъ изъ трехъ Рязанской, одинъ изъ семи Виѣанской и одинъ изъ двѣнадцати Московской. Балль 4¹/₂ получили студенты: одинъ Литовской семинаріи, одинъ изъ двухъ Томской, одинъ изъ двухъ Таврической и одинъ изъ двухъ Вологодской. Баллы 4+, 4 и 4—получили по одному изъ студентовъ семинаріи Астраханской, Курской, Новгородской, Таврической, Владимирской, Пензенской, Кишиневской, Вольнской, Тамбовской и по двое изъ Московской и Виѣанской. Кромѣ того балломъ 4 отмѣчено сочиненіе окончившаго курсъ въ Московскомъ Техническомъ училищѣ. Баллами 3¹/₂, 3+ и 3 отмѣчены сочиненія пяти студентовъ Московской семинаріи, по двое изъ Тульской, Калужской, Донской, Полтавской, и по

одному изъ Пензенской, Иркутской, Рязанской, Виѳанской, Владимірской, Кіевской, Самарской, Черниговской и Тамбовской. Не вопліѣ удовлетворительный баллъ 3— получили студенты семинарій: три Московской, два Курской и по одному изъ Рязанской, Тульской, Вятской, Томской, Архангельской, Владимірской, Вологодской и Тифлисской. Совсѣмъ неудовлетворительные баллы (2½ и ниже) получили три студента Виѳанской семинаріи, по одному изъ Московской, Самарской, Екатеринославской, Волынской и четыре иностранца изъ славянъ, причеиъ однимъ изъ послѣднихъ полученъ и самый низшій баллъ 1½. Преобладающимъ недостаткомъ сочиненій, отмѣченныхъ неудовлетворительными баллами, является то, что въ нихъ мало или вовсе ничего не говорится по данному вопросу, а иногда и самый вопросъ понимается неправильно. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчаются, кромѣ того, грамматическія ошибки, изъ которыхъ наиболѣе грубыми являются: „одѣжу“ вм. одежду, „Плюшкиновъ“ вм. Плюшкиныхъ (Волынск.). Но особенно рѣзкое впечатлѣніе производитъ встрѣчающееся по мѣстамъ явное незнакомство даже съ классическими писателями русской литературы: въ одномъ, напр., типъ Плюшкина приписывается Пушкину (Вологодск.), а въ другомъ—„Плюшкинъ“ понимается какъ одно „изъ сочиненій Гоголя“ (Екатеринославск.).

По поводу неудовлетворительности балла (2½) на экспромтовомъ сочиненіи по словесности студента, присланнаго изъ Екатеринославской духовной семинаріи, имѣю честь представить слѣдующее.—Въ сочиненіи этомъ авторъ вовсе почти не касается основаній вопроса, служившаго для него темою: „вѣрность поэта изображаемой дѣйствительности не уничтожаетъ ли въ немъ свободы художественнаго творчества?“ Свои утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ онъ почти исключительно основываетъ на двухъ примѣрахъ изъ исторіи русской литературы (Гоголя и Пушкина) и при томъ безъ надлежащаго ихъ разъясненія и примѣненія къ дѣлу. Кромѣ того въ изложеніи сочиненія, при всей незначительности его размѣровъ (три странички разгонистаго письма), авторомъ допускается явная небрежность и нескладность. Въ самой темѣ его онъ пропускаетъ слово „свободы“, что значительно измѣняетъ ся смыслъ, а при переходѣ одного изъ указанныхъ историческихъ примѣровъ къ другому онъ

употребляетъ слѣдующую фразу безъ сказуемаго (послѣ точки): „Или Пушкина историческая поэма „Полтава“. Наконецъ, авторъ обнаруживаетъ здѣсь плохое знакомство съ классическими писателями русской литературы, принимая Пяюшкина, извѣстный типъ изъ „Мертвыхъ душъ“ Гоголя за особое сочиненіе.

Экспромтовое сочиненіе по словесности студента, присланнаго изъ Волынской духовной семинаріи, отмѣчено неудовлетворительнымъ балломъ 2½ по слѣдующимъ причинамъ. Сочиненіе это написано не на тему. Въмѣсто разсмотрѣнія вопроса: „вѣрность поэта изображаемой дѣйствительности не уничтожаетъ ли въ немъ свободы художественнаго творчества“, авторъ усиливается доказать мысль, что „поэтъ не долженъ стѣсняться требованіемъ слѣдовать дѣйствительности“. Но и въ доказательствахъ этой мысли встрѣчаются иногда наивности, свидѣтельствующія о недостаточномъ развитіи автора: онъ, напр., вовсе не различаетъ понятій истиннаго и дѣйствительнаго. Кроме того, въ сочиненіи этомъ встрѣчаются по мѣстамъ грубыя грамматическія ошибки: авторъ, напр., пишетъ — „одежу“, вм. одежду. „П.юшкиновъ“, вм. Пюшкиныхъ (род. множ.)“.

ж) Допесненіе о сочиненіи *по нравственному богословію*:

„Для письменнаго испытанія по нравственному богословію была предложена тема: „Такъ какъ разсужденіе лишаетъ нравственное чувство его непосредственной свѣжести и колеблетъ инстинктивную твердость нравственнаго убѣжденія, то не нужно-ли въ интересахъ нравственности отказаться отъ ея научнаго изслѣдованія, ввѣривъ свою жизнь болѣе надежному руководству — голоса совѣсти и ученія Иисуса Христа?“ Изъ всѣхъ писавшихъ только двое (присланные Новгородской и Холмской семинаріи) вполнѣ правильно поняли тему и дали совершенно удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ. Эти сочиненія отмѣчены балломъ 5. Кроме этихъ еще 12 человекъ такъ или иначе приближаются къ правильному пониманію темы и даютъ болѣе или менѣе прямой (хотя и не всегда удачный) отвѣтъ на вопросъ; ихъ сочиненія отмѣчены баллами не ниже 4—. Всѣ остальные сочиненія написаны не на тему. — Вопросъ, предложенный писавшимъ, какъ видно изъ темы, состоитъ въ слѣдующемъ: нужно-ли отказаться отъ научнаго изслѣдованія нравствен-

ности въ пользу непосредственнаго подчиненія голосу совѣсти и ученію І. Христа въ виду того, что рефлексія лишаетъ нравственное чувство его непосредственной свѣжести и колеблетъ инстинктивную твердость нравственнаго убѣжденія. Иначе говоря, требовалось разрѣшить возраженіе противъ науки о нравственности, формулированное въ первой половинѣ темы. Въмѣсто того большинство писавшихъ отбросило первую половину темы и занялось исключительно второю, т. е. писало на вопросъ, нужно ли вообще Нравственное Богословіе, если есть голосъ совѣсти и ученіе І. Христа. Такое упрощеніе темы объясняется отчасти недостаточною твердостью логики, отчасти непривычкою къ самостоятельному мышленію. Первое само собою понятно. Второе нуждается въ поясненіи. Дѣло въ томъ, что вопросъ о необходимости науки о нравственности въ общемъ его видѣ разрѣшается и въ курсахъ, и на урокахъ Нравств. Богословія; между тѣмъ какъ данное именно возраженіе противъ науки было для большинства писавшихъ совершенно незнакомо. И вотъ, вмѣсто того, чтобы подумать надъ возраженіемъ, они усиленно припоминаютъ ученое въ семинаріи и, припомнивъ нѣчто подходящее, а иногда и неподходящее, предпочитаютъ лучше написать не совѣтъ на тему, чѣмъ отважиться на самостоятельное разсужденіе. Конечно все это происходитъ безсознательно, въ силу сложившейся привычки держаться за учебникъ и инстинктивнаго предвѣрія къ собственной мысли. Въ лучшихъ случаяхъ они умѣютъ только болѣе или менѣе приспособить чужое къ своей цѣли, въ худшемъ припомнаніе книжки поработаетъ ихъ мысль себѣ и сбиваетъ съ толку. Такъ, напр., одинъ студентъ совѣтъ было набрелъ на довольно удачную мысль, что человеку свойственно возвышаться надъ непосредственными ощущеніями и перерабатывать ихъ разумомъ въ высшія психическія формы, но тутъ ему почему-то припомнилось изъ психологіи возраженіе противъ самонаблюденія, какъ источника этой науки, и онъ, будучи не въ состояніи овладѣть своими „воспоминаніями“, сбивается на разсужденія, не имѣющія ничего общаго съ темой (Кишин.). Такихъ примѣровъ не мало.—Само собою понятно, что и изъ тѣхъ, которые ограничились второю половиною темы, не всѣ разрѣшили свой вопросъ удовлетворительно: одни доказывали не-

обходимость науки болѣе или менѣе обстоятельно, у другихъ выходило, что наука о нравственности нужна только для системы или даже для упражненія умственныхъ способностей (два волонт. Моск.), а у нѣкоторыхъ совершенно ничего не выходило: думая доказать необходимость науки, они, сами того не замѣчая, доказываютъ противное (присл. Вол., вол. Моск. и др.), или доказываютъ, что наука о нравственности нужна не для самой нравственности, а для людей, предназначенныхъ къ вѣчному блаженству (Тамб.), или, наконецъ, ничего не доказываютъ и даже не пытаются доказывать (Арханг.). Есть нѣсколько и такихъ сочиненій, авторы которыхъ, видимое дѣло, сами себѣ не отдавали отчета въ томъ, что они пишутъ и на какой вопросъ (волонт. Самар., одинъ волонт. Москов. и отчасти др.).

Къ чести писавшихъ нужно замѣтить, что внѣшняя сторона сочиненій вообще очень удовлетворительна: всѣ пишутъ грамотно, правильною рѣчью и складно. Немногія, замѣченныя мною грамматическія ошѣбки (тѣмный—Тул.,—миръ вм. мирь—вол. Моск.) можно объяснить случайностію: погрѣшности противъ языка встрѣчаются очень рѣдко и незначительны (нерѣшительность на выборъ дѣйствій—Виѣ. присл.—, гарантія за то—присл. Ряз.—, „Слово Божіе не пренятствуетъ лѣ научному изслѣдованію“—Тул. волонт.). Изложеніе чаще всего страдаетъ отъ пристрастія къ мудренымъ оборотамъ и иностраннымъ словамъ. Пишутъ, напр.: „совѣсть индивидуальная инстанція“ (волонт. Влад.): „законъ евангельскій указываетъ человѣку программу его дѣятельности“ (Тул. вол.): „то, что казалось истиннымъ и необходимымъ революціонерамъ развитія, философія и жизнь отвергли“ (Тавр. вол.): „совѣсть человѣка (послѣ паденія) стала не только доброю, но и злою...., нрав чувство не такъ сильно и не такъ крѣпко бьетъ своимъ молотомъ въ нравств. сознаніе человѣка (Моск. волонт.).

Сочиненіе студента, присланнаго на казенный счетъ изъ Вольнской семинаріи, признано не вполне удовлетворительнымъ (балль 2- $\frac{1}{4}$) по слѣдующимъ причинамъ. Вмѣсто того, чтобы заняться разрѣшеніемъ даннаго въ темѣ возраженія противъ науки о нравственности, авторъ обходитъ его и занимается вопросомъ о недостаточности естественнаго нравственнаго закона и Откровенія для руководства человѣка